
За политическими кулисами мирового спорта: СССР и международные спортивные организации во второй половине XX в.

Михаил Прозуменщиков

Behind the political scenes of world sports: the USSR and international sports organizations in the second half of the 20th century

Mikhail Prozumenshchikov
(*Russian State Archive of Contemporary History, Moscow*)

DOI: 10.31857/S2949124X23050115, EDN: OXGBYU

Изменение баланса сил на политической арене после Второй мировой войны отразилось и на международной спортивной системе. Прежде всего, в мире появилась новая сверхдержава в лице СССР, который не мог оставаться в стороне от всех значимых процессов, происходивших в том числе и в мире спорта. Советское руководство учитывало и пыталось использовать в своих целях тот факт, что спортивная жизнь в разрушенной послевоенной Европе неожиданно получила новый мощный импульс, став своеобразной отдушиной и напоминанием о прежней мирной жизни.

Несмотря на сохранявшиеся во второй половине 1940-х гг. изоляционистские тенденции во внешней политике, стремление СССР позиционировать себя как великую спортивную державу предопределило выход международных спортивных отношений на новый уровень. Спорт, долгое время остававшийся в Советском Союзе предметом «внутреннего потребления», становился одним из элементов внешней политики государства. До войны главный упор делался на подготовку через спортивные состязания будущих защитников страны и гармонично развитых строителей коммунистического будущего. В принципе, эти задачи оставались актуальными и в послевоенное время, но появились новые акценты. Теперь советские спортсмены должны были, прежде всего, достойно защищать честь своей страны на международных соревнованиях, побеждать иностранных соперников и устанавливать «мировые рекорды во славу нашей Родины»¹.

Поскольку СССР предстояло участвовать в крупнейших официальных соревнованиях, на повестку дня вновь, как и перед Второй мировой войной, встал вопрос о вхождении страны в официальные международные спортивные организации (МСО). Правда, не все из них восстановились. Так, Красный спортивный интернационал (КСИ) прекратил своё существование вслед за Коминтерном в 1943 г., и планов по возобновлению его деятельности у советского руководства не было. Видимо, поэтому в октябре 1945 г. СССР принял приглашение на созываемую в Париже Международную конференцию рабочих спортивных организаций, целью которой фактически было воссоздание Рабочего спортивного социалистического интернационала, который параллельно с КСИ

© 2023 г. М.Ю. Прозуменщиков

¹ Советский спорт. 1947. 20 августа.

функционировал в 1920–1930-х гг. Однако Москва уже не собиралась ограничивать свою спортивную деятельность только рабочим движением, и потому отправленная в Париж советская делегация должна была выдвинуть интересное, но абсолютно нереальное предложение: добиваться создания Международной демократической федерации спортивных организаций, в которую вошли бы «национальные спортивные организации, рабочие спортивные союзы и спортивные организации – члены Международного Олимпийского комитета и федераций по отдельным видам спорта, стоящие на демократических позициях»².

Одновременно в СССР поступали различные приглашения из МСО, которые хотели видеть Советский Союз в числе своих участников. Правда, вступать в «буржуазные» спортивные объединения Москва первое время не очень торопилась, как бы оставляя за собой возможность в нужный момент вернуться к классовому подходу в спортивном движении. Так, Международная легкоатлетическая федерация (ИААФ) с сентября 1945 г. в течение нескольких месяцев направила СССР шесть приглашений вступить в ряды организации³. Более того, несмотря на всем известную консервативность данной федерации, она сделала для Советского Союза беспрецедентное исключение из собственных правил – советские спортсмены были приглашены принять участие в чемпионате Европы по лёгкой атлетике летом 1946 г., т.е. тогда, когда СССР ещё не являлся членом федерации. Примерно такой же позиции придерживалась Международная федерация любительского баскетбола (ФИБА), руководители которой приглашали советских баскетболистов участвовать в официальных турнирах задолго до вступления СССР в её состав. В Москве особенно ценили тот факт, что в ФИБА «никогда не ставили под сомнение наше любительство»⁴, чего нельзя было сказать про другие федерации, где иногда возникали неудобные для СССР вопросы по поводу статуса советских спортсменов. Некоторые федерации, желая видеть СССР в своих рядах, заранее резервировали в своих исполнительных комитетах место вице-председателя для советского представителя⁵.

Иногда поддержку советским спортсменам оказывали освобождённые Советским Союзом от фашизма страны Восточной Европы. В 1946 г. СССР пригласили в Чехословакию для участия в соревнованиях между спортсменами славянских стран (Чехословакия, Югославия, Польша, Болгария) по водным видам спорта (в Брно) и боксу (в Праге). При этом чехословацкая федерация плавания серьёзно рисковала, приглашая ещё не вступивших в эту международную спортивную федерацию (МСФ) представителей СССР. В отличие от Международной ассоциации любительского бокса, которая смотрела на подобные нарушения сквозь пальцы, Международная любительская федерация плавания (ФИНА) заранее предупредила, что, хотя она тоже желает видеть

² РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 26, л. 150.

³ Там же, д. 27, л. 82.

⁴ Там же, л. 84. В те годы вопрос о любительстве спортсменов социалистических стран ещё не вышел на первый план, и в МСО обычно рассматривались проблемы иного свойства. Так, на конгрессе ИААФ в 1946 г. больше всего обсуждалось заявление представителей Швеции, которые утверждали, что «существующее запрещение компенсировать спортсменам заработок, потерянный во время участия в соревнованиях, делает спорт привилегией богатых, противоречит демократизму спорта, и должно быть отменено». Шведы заявили, что в этом вопросе они будут действовать по своему усмотрению, вне зависимости от того, какое решение примет «консервативное большинство федерации» (Там же, л. 82–83).

⁵ Там же, л. 77.

представителей СССР в своём составе, но за участие советских спортсменов в этих состязаниях Чехословакия сама может быть исключена из МСФ. Что, кстати, и произошло, и только после вступления СССР в состав федерации был восстановлен и статус Чехословакии в этой организации.

Советским спортивным функционерам следовало на самом высоком партийном уровне получить согласие на вступление страны в международные спортивные организации⁶. Как и в любом бюрократическом механизме, процесс согласования, утверждения и принятия решений требовал большого количества времени. Только 9 января 1947 г. было принято постановление Политбюро, наконец, разрешавшее Всесоюзному комитету по делам физической культуры и спорту при Совете министров СССР принять приглашения и вступить в Международные любительские федерации лёгкой атлетики, плавания, баскетбола, борьбы (ИАВФ) и в Международный союз конькобежцев (ИСУ)⁷. В течение следующего года международное признание получили советские футболисты, гиревики, шахматисты, волейболисты, представители гимнастики, бокса и лыжного спорта. К началу 1950-х гг. СССР уже входил в состав более 20 МСФ⁸, и это число продолжало увеличиваться. Каждый раз чиновники, готовившие высшему начальству документы на вступление в то или иное международное спортивное объединение, не забывали отметить, что это будет способствовать «дальнейшему расширению международных связей наших спортсменов, повышению их мастерства, даёт возможность советским спортсменам принимать активное участие в международных федерациях и проводить необходимую работу по демократизации их деятельности»⁹.

Советские представители в МСФ сразу активно принялись за дело. Уже при вступлении в федерации они, согласно инструкции ЦК ВКП(б), выдвигали два основных условия: предоставление мест советским представителям в руководящих органах федераций и признание русского языка одним из официальных языков МСФ. Было и ещё одно условие, которое носило, правда, сугубо политический характер: в те годы СССР пытался добиться исключения из всех МСО представителей франкистской Испании. Если первые два требования были в большинстве случаев удовлетворены без особых проблем, то в отношении исключения Испании федерации, как правило, принимали уклончивое решение о необходимости обсудить этот вопрос в будущем. На волне успешного вхождения в международное спортивное движение советские спортивные функционеры заговорили даже о том, что неплохо было бы, чтобы членом различных МСФ стал не только СССР, но и входившие в него союзные республики¹⁰, что, однако, не нашло понимания в спортивном мире.

⁶ Большинство справок и писем по международным спортивным вопросам направлялось на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, а после его смерти в 1948 г. — М.А. Суслова. Кроме того, подготовку советской сборной к первой в истории СССР Олимпиаде 1952 г. лично курировали члены высшей партийно-государственной «пятёрки»: Л.П. Берия и Г.М. Маленков.

⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 27, л. 79.

⁸ Поскольку в Олимпийских играх могли принимать участие только те спортсмены, чьи национальные спортивные секции (федерации) являлись членами МСФ, то накануне Олимпиады в Хельсинки СССР охватил настоящий «бум» вступления в различные международные федерации: только в 1952 г. Советский Союз стал членом сразу восьми МСФ, не считая ещё и вступления в этом же году в Международную федерацию спортивной медицины (Олимпийская энциклопедия. М., 1980. С. 197–198).

⁹ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 27, л. 159.

¹⁰ Там же, л. 81.

В сложившейся ситуации следующим шагом логично стало вступление СССР в члены Международного Олимпийского комитета (МОК). В Москве очень осторожно отнеслись к данному решению и, хотя имели все шансы вступить в МОК ещё до летней и зимней Олимпиад 1948 г. и направить на них свои спортивные делегации, предпочли повременить с этим. Вместо этого в августе 1948 г. на летние Игры в Лондоне была направлена советская спортивная делегация «для участия в конгрессах международных спортивных объединений и изучения зарубежной спортивной техники во время XIV мировой Олимпиады»¹¹. Очевидно, увиденное там вселило оптимизм в советских эмиссаров, и в СССР стали создавать собственный национальный олимпийский комитет, при наличии которого страна могла рассчитывать на признание со стороны МОК. Учитывая, что данный вопрос следовало решать на более высоком уровне, чем вступление СССР в различные федерации, необходимые документы были направлены на рассмотрение И.В. Сталину. Вождь не стал возражать против советского участия в олимпийском движении, запустив тем самым «ускоренный» механизм принятия решения по данному вопросу. 18 апреля 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о создании Олимпийского комитета СССР и о подаче заявки на вступление в МОК. Уже в начале мая МОК принял Советский Союз в свои ряды. Таким образом, СССР включился в олимпийское движение и получил возможность участвовать в Олимпийских играх, что, как докладывали Сталину партийные функционеры, должно было способствовать «пропаганде достижений советского спорта»¹².

Как и при вступлении в МСФ, советские представители в МОК уже на первом заседании выдвинули ряд требований. В частности, СССР предложил перенести из летних олимпийских соревнований в зимние бокс, тяжёлую атлетику, борьбу и гимнастику¹³. Можно предположить, что таким образом Советский Союз пытался упрочить свои позиции на зимних Играх, так как в перечисленных видах спорта представители СССР уже в то время добивались значительных успехов.

Окончательное вхождение СССР в официальную мировую спортивную структуру автоматически подводило черту под его участием в «классовых» соревнованиях. Причина состояла даже не столько в том, что советские спортсмены были теперь не слишком заинтересованы в различных пролетарских турнирах, сколько в категорическом запрете на них, который содержался в уставах МСО. Москве приходилось выбирать между членством в этих организациях и декларируемым ею пролетарским интернационализмом, жертвуя, как правило, последним. Даже когда французская компартия, ближайший сподвижник советских коммунистов на Западе, попросила Москву принять участие в велокроссе, организованном в 1957 г. Французской рабочей спортивно-гимнастической федерацией, Советский Союз, после длительного обсуждения этого вопроса в ЦК КПСС, был всё же вынужден отказаться. Велокросс, проходивший по маршруту Париж—Руан—Гавр, не поддержали Международный союз велосипедистов (УСИ) и Французская национальная федерация велосипедного спорта,

¹¹ Там же, д. 36, л. 5. Первоначально в Англию планировалось направить группу советских спортсменов, однако затем на заседании Политбюро было принято решение использовать для ознакомления с достижениями зарубежного спорта спортивных функционеров, участвовавших в конгрессах МСФ, которые проходили в Лондоне в дни Олимпиады (Там же, д. 28, л. 40).

¹² Там же, д. 36, л. 7.

¹³ Там же, л. 18.

и, следовательно, любой иностранный участник-член УСИ, приехавший на эти соревнования, мог навлечь на себя большие проблемы¹⁴. Даже поездка в ГДР в 1951 г. футболистов ЦДСА для проведения товарищеского матча с командой Группы советских оккупационных войск в Германии организовывалась втайне от советской и иностранной общественности, так как формально также являлась нарушением требований ФИФА¹⁵.

Любопытно, что к идее проведения «пролетарских соревнований» в СССР едва не вернулись спустя 20 лет, в 1970 г. Тогда советские руководители были весьма раздосадованы тем фактом, что СССР не получил право провести летние Олимпийские игры 1976 г., проиграв борьбу за них канадскому Монреалу. В Москве усмотрели в этом заговор западных стран, и некоторые горячие головы поспешили предложить ответные меры. Одной из них стала идея Спорткомитета провести в отместку буржуазным деятелям в МОК очередную Спартакиаду народов СССР, в которой кроме советских спортсменов смогли бы участвовать только представители спортивных организаций социалистических государств и рабочих спортивных союзов стран Запада. В ЦК КПСС, однако, не поддержали это предложение, по сути, означавшее возвращение к состязаниям по классовому признаку, подчеркнув, что на спартакиады действительно следует приглашать спортсменов из-за рубежа, но при этом не ограничиваться представителями рабочих спортивных союзов.

В то же время активная деятельность представителей СССР в различных спортивных комитетах и федерациях не являлась гарантией того, что советские спортсмены будут столь же активно участвовать в турнирах по этим видам спорта. Главная причина заключалась в элементарном страхе советской партийной и спортивной номенклатур перед возможными неудачными выступлениями¹⁶. В какой-то степени чиновники сами загоняли себя в угол, отождествляя победы в спорте с успехами политической системы. И хотя СССР вступал далеко не во все спортивные объединения, стараясь выбирать те, где советские спортсмены имели хорошие шансы на победу, избежать неудач было невозможно. Именно поэтому не слишком уверенные выступления советских футбольных клубов за рубежом привели к тому, что СССР отказался подавать заявки на участие в чемпионатах мира по футболу в 1950 г., а после неудачи на Олимпиаде в Хельсинки — и в 1954 г. Советским мужчинам-конькобежцам из-за неудачного дебюта на чемпионате мира 1948 г. на несколько лет закрыли вход на крупнейшие международные турниры. Да и отказ от участия в зимних Олимпийских играх 1952 г. во многом объяснялся тем, что в СССР, анализируя уровень подготовки

¹⁴ Рабочая спортивно-гимнастическая федерация Франции, пытаясь завлечь советских участников, предлагала в целях своеобразной «маскировки» прислать из СССР команду от имени газеты «Правда» или от какого-нибудь профсоюзного спортклуба. Но это всё равно не изменило решения советского руководства (РГАНИ, ф. 5, оп. 47, д. 221, л. 58–60).

¹⁵ Дав согласие на эту поездку, М.А. Сулов поставил обязательное условие, чтобы о ней ни в коем случае «не сообщалось ни в советской, ни в немецкой печати» (Там же, оп. 14, д. 3, л. 136).

¹⁶ Подобные опасения возникали и до войны. В 1935 г. чуть не сорвалось выступление советской команды борцов в Норвегии, поскольку у советского руководства не было «уверенности в том, что наша команда сумеет показать хорошие результаты и не будет побита норвежцами». Только обещание, что «во всяком случае советская команда поражения не потерпит», а также понимание того, что отказ от уже анонсированного выступления «произведёт неблагоприятное для нас впечатление во всей Норвегии и особенно среди рабочих», вынудили Политбюро дать согласие на поездку спортсменов (Там же, ф. 3, оп. 36, д. 26, л. 79–80).

и мастерства советских и зарубежных спортсменов, не без оснований опасались серьёзной неудачи советской сборной на соревнованиях в Осло.

Однако членство в МСО помимо прав предполагало и наличие ряда обязанностей, одной из которых являлось участие в официальных соревнованиях, проводившихся под эгидой данных организаций. Не желая выходить из федераций, Москва изыскивала различные уловки и оправдания для отказа от тех состязаний, где советские спортсмены явно не могли добиться какого-нибудь успеха. Получался ещё один замкнутый круг: с одной стороны, спортивные функционеры опасались санкций за отказ от участия в международных соревнованиях, с другой — боялись недовольства партийных руководителей. В ряде случаев советским представителям в МСФ открыто заявляли, что они допускают серьёзные нарушения, посылая команды на соревнования «лишь тогда, когда есть стопроцентные шансы на 1-е место»¹⁷. Поэтому иногда приходилось всё-таки принимать «непопулярные» решения: в 1960 г. с разрешения ЦК КПСС Советский Союз вышел из Международной федерации хоккея на траве, одновременно ликвидировав и внутрисоюзную секцию по этому виду спорта: крайне низкие результаты дали основание говорить о том, что хоккей на траве «не имеет развития в СССР» и его впредь «не будут культивировать»¹⁸.

Нежелание Советского Союза развивать отдельные виды спорта во многом объяснялось стремлением Москвы вкладывать силы и средства в те спортивные направления, которые приносили стране награды и зачётные очки на международных соревнованиях. Соответственно, в детско-юношеском и вообще в массовом спортивном движении занятия «непопулярными» видами спорта не поощрялись. В 1960–1970-х гг. по такому же пути пошли и некоторые социалистические страны, выходя из МСФ по «некультивируемым» ими видам спорта и перераспределяя средства на те направления, где была возможность добиться победы. Так, ГДР в конце 1960-х гг. вышла из МСФ по баскетболу и пятиборью, а в 1972 г. их участь разделил и хоккей с шайбой — внутренний чемпионат был ликвидирован, в стране остались только две хоккейные команды, которые время от времени играли между собой¹⁹.

Тем не менее число МСО, членом которых был Советский Союз, с каждым годом продолжало увеличиваться, причём в него входили как федерации по различным видам спорта, так и региональные организации (применительно к СССР, находившиеся в Европе), объединения по отраслям знаний (спортивной медицины, спортивной прессы) или по определённой принадлежности (университетского или армейского спорта, союза железнодорожников и др.). К моменту проведения в Москве летней Олимпиады 1980 г. в мире насчитывалось уже около 200 международных спортивных организаций, из которых почти 100 были МСФ по различным видам спорта, а Советский Союз являлся членом 72 из них, в том числе 15 европейских²⁰.

¹⁷ Там же, ф. 5, оп. 47, д. 167, л. 207. Такие претензии регулярно выслушивал И.П. Шрамков, советский представитель в Международной федерации настольного тенниса, в которую СССР вступил в 1954 г., но почти не принимал участия в официальных турнирах, понимая, что низкий уровень советских теннисистов не позволял им претендовать не то что на призовые, но и вообще на высокие места.

¹⁸ Там же, ф. 11, оп. 1, д. 488, л. 80.

¹⁹ Там же, ф. 5, оп. 62, д. 417, л. 296–297. Спортивные функционеры ГДР при этом всё время подчёркивали, что по тем видам спорта, которые в стране не получили развития, они сокращают до минимума команды на внутреннем, но отнюдь не на массовом уровне.

²⁰ Олимпийская энциклопедия. С. 196.

Вступление в международные спортивные объединения дало СССР возможность не только отстаивать свои интересы в мировом спорте, но и использовать эти организации в политических целях. В годы холодной войны МСО выступали одной из важных площадок для противостояния двух общественно-политических систем, что накладывало на советских представителей в этих организациях особую ответственность²¹. Многое зависело от их активности в работе спортивных федераций и комитетов, от того количества членов МСО, которых им удалось сделать союзниками, перетянуть на свою сторону в решении тех или иных вопросов. Конечно, каждый из членов международных спортивных федераций представлял конкретную страну, и его позиция напрямую зависела от политической линии, проводившейся руководством его государства. Однако и в этом случае советским спортивным функционерам, опиравшимся на всю мощь, влияние и финансовые ресурсы стоявшей за их спиной великой державы, зачастую удавалось добиваться нужного результата. В частности, при выборах президентов МСФ Советский Союз редко настаивал на кандидатурах своих представителей, предпочитая поддерживать нейтральных кандидатов, которые (по разным причинам) либо симпатизировали СССР, либо, по крайней мере, не являлись откровенными сторонниками Запада. Примеры президента Международной шахматной федерации филиппинца Ф. Кампоманеса или президента ФИФА Ж. Авеланжа, сменившего на этом посту в 1974 г. столь нелюбимого в СССР англичанина С. Роуза, можно продолжать и дальше.

Впрочем, в этом вопросе Советский Союз был не одинок: в условиях, когда спорт всё больше становился одним из элементов мировой политики, на многочисленных конгрессах, сессиях и форумах МСО организовывались различные союзы и блоки, постоянно кипели серьёзные баталии, за которыми скрывались политические устремления противоборствующих сторон. Например, в 1970-х гг. в Международной федерации по спортивной гимнастике (ФИЖ) было неофициально создано «сообщество по защите интересов федераций гимнастики западных стран», в которое вошли представители ФРГ, Бельгии, Дании, Норвегии, Испании, Швеции, Швейцарии и др. Главная задача этого «сообщества» состояла в отстранении со своих постов в руководстве ФИЖ представителей социалистических стран, прежде всего, президента федерации Ю.Е. Титова²².

Для советских представителей озвученное в партийных директивах требование «демократизировать» мировое спортивное движение было отнюдь не пустой декларацией. СССР действительно приложил немало усилий для этого. Достаточно отметить, что Москва регулярно выступала в защиту «женских» видов спорта, которые либо хотели сократить (в конце 1940-х гг. Финляндия предлагала убрать из программы Олимпийских игр женскую спортивную гимнастику²³), либо не допустить включение в программу соревнований новые виды спорта с участием женщин. Аналогичная ситуация складывалась и с представителями только что освободившихся от колониальной зависимости

²¹ В числе директив, которые ЦК ВКП(б) давал советским представителям, только что начавшим свою работу в МСО, фигурировала и такая: «Бороться против намерения американцев диктовать в международных спортивных объединениях и захватить руководство в них» (РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 28, л. 69).

²² См.: Там же, ф. 5, оп. 77, д. 999, л. 6–7. Эта попытка, однако, не увенчалась успехом, а Титов пробыл на посту президента федерации почти 20 лет — до 1996 г.

²³ См.: Там же, ф. 3, оп. 36, д. 28, л. 92.

стран Азии и Африки. СССР рассматривал их в качестве своих потенциальных союзников и всячески содействовал им при вступлении в ряды международных спортивных организаций. Одновременно Советский Союз решительно боролся против участия в спортивном движении стран, проводивших политику апартеида, что поддерживалось не только представителями африканского континента, но и рядом капиталистических государств. Во многом под давлением СССР в 1964 г. МОК отказал ЮАР в праве участвовать в Олимпиадах, а большинство МСФ исключили её из своих рядов. Наконец, Советский Союз аккуратно старался изменить и само руководство МОК и МСФ, исподволь пропагандируя необходимость обновления руководящих структур этих организаций, в которых преобладали «титулованные особы», нередко весьма преклонного возраста²⁴.

Став полноправным членом международных спортивных организаций и войдя в состав руководства большинства из них, СССР мог оказывать существенное влияние на принимавшиеся ими решения. В первую очередь это касалось приёма в состав МОК и МСФ новых членов (или исключения старых), определения места проведения соревнований, участия в разрешении конфликтных и спорных вопросов. Конечно, здесь решающую роль играли установки, которые исходили со Старой площади в Москве и которые определялись общей внешнеполитической стратегией Советского государства. Иногда многое зависело от меняющейся мировой политической обстановки. Как уже упоминалось, Москва в 1946 г. с благодарностью приняла приглашение принять участие во Всеславянских соревнованиях по водным видам спорта и боксу в Чехословакии. Но тогда и в СССР ещё не до конца определились с необходимостью членства в международных спортивных федерациях, а в соревнованиях участвовала на тот момент ещё дружественная Советскому Союзу Югославия. Однако, когда в конце 1948 г. отношения между СССР и Югославией резко испортились, советские представители, ставшие к тому времени уже членами ряда МСФ, решительно выступили против идеи проведения балканско-среднеевропейских игр, мотивируя это тем, что они ведут «к изоляции спортивных организаций этих стран, отрыву их от международного спортивного движения и могут вызвать образование нежелательных спортивных блоков на Западе»²⁵.

По-другому складывалась ситуация вокруг легкоатлетического матча Европа–США, проведению которого в конце 1940-х гг. также воспротивился СССР, сознавая слабость европейских (в том числе советских) легкоатлетов в сравнении с американскими и не желая «подорвать национальный престиж европейских народов»²⁶. Однако, когда в середине 1950-х гг. советско-американские отношения заметно потеплели, а в Москве поняли, что по уровню мастерства советские спортсмены уже не уступают американским, Советский Союз не просто согласился на проведение легкоатлетического матча США–СССР, но и предложил сделать такие матчи регулярными, проводя их раз в два года²⁷.

²⁴ Несмотря на все усилия СССР, в конце 1960-х гг. в руководстве МОК всё ещё оставалось больше 20 «титулованных особ», в том числе графы, принцы, герцоги и даже короли.

²⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 28, л. 76.

²⁶ Там же.

²⁷ Во второй половине 1960-х гг. СССР вновь отказался от участия в планируемом матче Европа–Америка, однако причины в данном случае были другими. Во-первых, Москва не хотела допустить объединения в командах спортсменов из социалистических и капиталистических стран, а во-вторых, существовала опасность, что своим участием в матче СССР даст лишние козыри КНР,

В директивах, которые Москва давала своим представителям в МСФ, даже в тех случаях, когда речь шла, казалось бы, о спортивных вопросах, в той или иной степени фигурировали политические мотивы. Посланцы Советского Союза должны были: «возражать против предложения об исключении немецкого языка из числа официальных языков федераций»²⁸; добиваться «отклонения предложений о переводе финансовых активов федераций в США»; требовать, чтобы «футболисты, покинувшие родину по политическим мотивам», лишались права выступать в футбольных командах других стран²⁹, и т.п. Иногда выполнить директивы, поступавшие из Кремля, было изначально невозможно, но, тем не менее, Спорткомитет СССР то и дело критиковался партийным руководством за то, что он «не проявляет необходимой настойчивости в борьбе против реакционных сил в международных спортивных федерациях, не использует всех возможностей для укрепления советского спорта на международной арене»³⁰.

Говоря о поддержке в МСФ и МОК спортивных организаций молодых независимых государств, следует отметить, что Советский Союз далеко не всегда твёрдо придерживался принципа, согласно которому ключевым в данном случае было слово «независимый». Многие опять же зависело от конкретной политической ситуации. В самом начале своей деятельности в международных спортивных организациях СССР требовал, чтобы ни в МОК, ни в МСФ не допускались Сингапур и Бермудские острова, бывшие на тот момент колониями Великобритании³¹. Советских представителей не смушал тот факт, что Бермуды были признаны МОК ещё в 1936 г., а Сингапур принят туда же в 1948 г. Позиция СССР объяснялась не столько тем, что эти страны находились в колониальной зависимости, сколько тем, что они контролировались Великобританией, наиболее враждебной СССР в годы холодной войны. Действия Москвы входили в явное противоречие с попытками советских представителей ещё в начале 1950-х гг. протестовать против внесённой в уставы некоторых федераций статьи, запрещающей колониальным и зависимым странам самостоятельно вступать в члены федераций «как нарушающей элементарные демократические права спортсменов этих стран»³².

Нетрудно догадаться, что СССР особенно решительно поддерживал те освободившиеся от колониальной зависимости государства, которые изначально заявляли о своей приверженности социалистическому пути развития. В этих случаях Москва использовала все имевшиеся в её распоряжении ресурсы, чтобы такие страны как можно скорее стали членами МСО, и впоследствии продолжала поддерживать все их спортивные начинания. Взамен советское руководство рассчитывало на полную поддержку своей политики в мировом спортивном движении, что, однако, происходило далеко не всегда. Иногда советская поддержка молодых государств объяснялась сугубо прагматическими целями. Перед Олимпиадой 1980 г., которая ознаменовалась бойкотом со сто-

которая давно заявляла, что Советский Союз является исключительно европейской державой и не может влиять на азиатские дела (Там же, ф. 4, оп. 20, д. 880, л. 99).

²⁸ Там же, ф. 3, оп. 36, д. 29, л. 115.

²⁹ Там же, л. 60.

³⁰ Там же, ф. 5, оп. 16, д. 649, л. 18.

³¹ Официально Сингапур стал независимым только в 1965 г. До этого он был колонией Великобритании, а затем с 1952 г. — самоуправляемым государством в составе Британской империи. Бермудские острова официально являются заморской территорией Великобритании.

³² Там же, ф. 3, оп. 36, д. 29, л. 115.

роны нескольких десятков стран, СССР сделал всё от него зависящее, чтобы принять в МОК как можно больше новых членов и этим увеличить число стран-участниц Игр.

Следует отметить, что, когда в середине 1950-х гг. политическая напряжённость в мире несколько ослабла, МСО нередко становились местом для налаживания контактов между государствами. Так, в июне 1956 г. заседание исполкома и конгресса ФИФА проходили в Португалии, у которой с Советским Союзом не было дипломатических отношений. Тем не менее советская делегация не только была отправлена в Лиссабон, но и, «руководствуясь полученными указаниями», провела двусторонние встречи со спортивными руководителями Португалии. Последние оказали гостям из СССР «хорошее внимание» и изъявили желание организовать совместные спортивные соревнования по ряду видов спорта³³. Тогда же состоялись встречи и с прибывшей в Португалию испанской делегацией, которые также, несмотря на, казалось бы, непримиримые противоречия между коммунистическим режимом и франкистской диктатурой, «проходили в тёплой, непринуждённой обстановке» и завершились заверениями в готовности проводить двусторонние соревнования³⁴. Конечно, последнее слово всё равно оставалось за политиками, и спортивные связи СССР с Испанией и Португалией в дальнейшем то и дело сталкивались с различными «неспортивными» проблемами, но сам факт таких контактов помогал в целом налаживанию международных связей и укреплению сотрудничества.

От советской позиции в XX в. многое зависело как на мировой политической арене, так и в международных спортивных организациях, где СССР играл всё более заметную роль. Это наглядно продемонстрировала история с уже упомянутой ЮАР, которая, пользуясь поддержкой на Западе, в конце 1960-х гг. заявила о создании «смешанной» олимпийской команды, всем спортсменам которой было разрешено на равных правах участвовать в состязаниях как внутри страны, так и за её пределами. Данного заявления оказалось достаточно, чтобы на 66-й сессии МОК в Гренобле ЮАР разрешили участвовать в Олимпийских играх 1968 г. Неудивительно, что это вызвало массовые протесты по всему миру, а Организация африканского единства заявила, что спортсмены Африки вообще не приедут на Олимпиаду в Мехико. Именно СССР, к которому мексиканские власти обратились с просьбой спасти положение и уж, во всяком случае, не присоединяться к бойкоту соревнований, смог добиться созыва экстренного заседания Исполкома МОК, на котором ЮАР всё-таки отказали в участии в Олимпиаде³⁵. Можно привести немало других примеров, когда советский голос в международных спортивных организациях оказывался решающим при рассмотрении различных актуальных проблем мирового спорта.

Конечно, немалое значение имел тот факт, что СССР в МСО, как правило, выступал единым фронтом вместе с представителями социалистических стран. Их сплочённая позиция часто позволяла добиться нужного Московского решения при обсуждении спорных вопросов. Так, государства социалистического лагеря сорвали в 1950-х гг. попытки принятия такого, казалось бы, невероятного с позиции сегодняшнего дня предложения, как ликвидация командных видов спор-

³³ Там же, ф. 5, оп. 47, д. 168, л. 74–75.

³⁴ Там же.

³⁵ После того, как удалось преодолеть угрозу бойкота Игр, президент Мексики Г. Диас Ордас, по информации КГБ, заявил в кругу своих ближайших соратников, что испытывает большое чувство благодарности к Советскому Союзу за решительную поддержку (Там же, оп. 62, д. 48, л. 28).

та в программах Олимпиад³⁶. Ими же блокировались регулярно выдвигавшиеся предложения (инициаторами которых почему-то чаще всего выступали скандинавские страны) об отмене исполнения гимнов и поднятия национальных флагов во время награждения победителей соревнований³⁷. В 1960-х гг. восточному блоку удалось отстоять Кубу, над которой нависла угроза исключения из МОК и некоторых международных федераций в связи с обвинениями (надо заметить, небезосновательными) во вмешательстве кубинского правительства в деятельность национальных федераций и олимпийского комитета Кубы, откровенной политизации спорта и нарушении Устава МОК³⁸.

Иногда СССР занимался своеобразным распределением ролей, которые должны были играть в МСО его союзники. Именно так произошло в 1958 г., когда страны социализма планировали выступить с заявлением в защиту КНР и требованием изгнания из МСО представителей Тайваня. По заранее разработанному плану соответствующие требования Болгария должна была направить в МОК, СССР – в ФИБА, Чехословакия – в ИААФ, Венгрия – в ФИНА, Румыния – в Международный союз стрелкового спорта, Польша – в Международную любительскую федерацию велосипедного спорта³⁹. Подобные акции не раз проводились и впоследствии.

Вместе с тем, как ни странно, СССР приходилось бороться в МСО не только со своими противниками времён холодной войны. Борьба социалистических стран со «старшим братом» не заканчивалась на стадионах, а продолжалась в чиновничьих кабинетах, что приводило порой к странным последствиям. С середины 1950-х гг. СССР организовывал ежегодные совещания руководителей спортивных ведомств социалистических стран, на которых, в том числе, обсуждались «вопросы участия в деятельности МОК, организаций национальных олимпийских комитетов и международных спортивных федераций», выработывались перспективные планы сотрудничества на международной спортивной арене в целом⁴⁰. Однако несмотря на совместно выработанные и согласованные решения, они далеко не всегда соблюдались всеми союзниками.

Чаще всего подобные «несогласованности» возникали в период внутренних политических кризисов, охватывавших социалистический лагерь (Венгрия и Польша в 1956 г., Чехословакия в 1968 г., Китай и Албания в начале 1960-х гг.). Однако возникали и локальные проблемы, связанные с желанием союзников позиционировать себя в глазах всего мира в качестве государств, независимых от СССР. Иногда спортивная «фронта» заходила так далеко, что советские представители в международных спортивных объединениях обраща-

³⁶ См.: Там же, оп. 50, д. 51, л. 93–94, 96.

³⁷ Если в конце 1950-х гг. эти предложения были вызваны желанием Запада снизить пропагандистский эффект от постоянно растущего количества побед представителей социалистического лагеря, то спустя десять лет главным раздражителем стало участие в международных турнирах спортсменов ГДР, которую многие западные страны категорически отказывались признавать в качестве самостоятельной политической и спортивной единицы.

³⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 11, л. 60. Президент МОК Э. Брэндедж на заседании исполкома МОК в Лозанне в 1963 г. в качестве подтверждения справедливости обвинений в адрес Кубы привёл выдержки из кубинской официальной прессы, где спорт и политика рассматривались как одно целое, делались политические заявления в связи с участием кубинских спортсменов в международных соревнованиях и сообщалось о назначении правительственного чиновника руководителем национального олимпийского комитета страны, что также являлось грубейшим нарушением устава МОК.

³⁹ Там же, оп. 47, д. 282, л. 6.

⁴⁰ Там же, оп. 89, д. 97, л. 71.

лись в ЦК КПСС с просьбой, чтобы возникшие проблемы были урегулированы на партийно-государственном уровне, что, как правило, и происходило.

Особенно сложно СССР приходилось в МСО с решением вопросов, касавшихся стран, искусственно разделённых после Второй мировой войны: Германия, Вьетнам, Корея, Китай. Руководители каждой из «разделённых» стран при поддержке стоявших за их спиной сверхдержав претендовали на то, чтобы выступать в мировом спорте в качестве единственных и полноправных представителей всего государства, а с теми, кто пытался установить контакты с другой частью страны, зачастую разрывались все отношения, в том числе и спортивные. Официальное наименование «разделённых» стран, выступавших на международных соревнованиях, также долгое время являлось предметом споров, взаимных претензий и бойкотов. Те, кого поддерживал Запад и его представители в МСО, добивались для себя официальных наименований, которые должны были свидетельствовать о том, что они представляют всю страну, а не только её часть: ФРГ выступала под названием «Германия», Тайвань – «Китайская Республика», Южная Корея – «Республика Корея», Южный Вьетнам – «Республика Вьетнам». Это принижало статус их соседей, названия которых в ходе проведения международных соревнований давались либо аббревиатурами (ГДР, КНР, КНДР, ДРВ), либо по географическому принципу («Восточная», «Северная»). Для СССР это было ещё одним непростым испытанием, требовавшим использовать все имевшиеся в его распоряжении политические и дипломатические ресурсы для защиты своих союзников и восстановления спортивно-политического паритета.

Отстаивая интересы своих азиатских союзников, СССР то и дело приходилось принимать решения, в результате которых страдали его собственные интересы. Если в отношении ГДР речь шла, прежде всего, о борьбе с дискриминацией восточногерманских спортсменов, то КНР и КНДР сами выдвигали ультимативные требования, причём нередко они были направлены в адрес СССР и его союзников. По мнению Пекина и Пхеньяна, социалистические страны не только не должны были участвовать в соревнованиях с их главными антагонистами, но и бойкотировать любые спортивные мероприятия, проводившиеся на территории Тайваня и Южной Кореи. Это создавало дополнительные проблемы СССР и его союзникам в МСО, так как из-за неучастия в заседаниях федераций они не только подвергались критике со стороны других стран, но и не могли повлиять на решения, которые принимались в их отсутствие. Как результат – политические и спортивные цели СССР на международной арене нередко входили во взаимное противоречие. Советский Союз не мог поступаться идеологическими принципами, и советские функционеры в международных спортивных федерациях должны были реализовывать на практике генеральную линию партии, даже если это явно наносило ущерб интересам страны в мировом спорте. Однако, получая серьёзные имиджевые и финансовые дивиденды от успешного выступления советских спортсменов, СССР вовсе не стремился оказывать вне мирового спортивного сообщества. Поэтому советским спортивным функционерам постоянно приходилось балансировать между «политической целесообразностью» и сохранением своих позиций в МСО.

Апогеем политических баталий, бушевавших в мировом спорте во второй половине XX в., стали три массовых бойкота летних Олимпиад: 1976 г. (Монреаль), 1980 г. (Москва) и 1984 г. (Лос-Анджелес). В дальнейшем напряжение

стало спадать, что оказалось возможным во многом благодаря смене политических ориентиров советского руководства. Первой ласточкой новых веяний стала реакция в социалистических странах на избрание Сеула столицей летних Игр 1988 г. СССР и его сторонники не только не смогли помешать принятию этого решения, но и столкнулись в дальнейшем с ситуацией, когда многие соцстраны недвусмысленно дали понять, что не собираются бойкотировать эти соревнования из солидарности с режимом КНДР или безропотно следуя указаниям из Москвы⁴¹. Впрочем, провозгласившие «перестройку» и «новое мышление» советские лидеры были вполне солидарны с такой позицией, и потому у них не нашло поддержки выдержанное в традициях прежних лет заявление Ф. Кастро, который предложил в том случае, если Олимпиаду не перенесут из Сеула, «дать понять реакционным силам, руководству МОК, что соцстраны могут создать свою собственную спортивную организацию в международном масштабе»⁴².

Членство СССР в международных спортивных организациях на протяжении почти 40 лет приносило большие дивиденды как непосредственно в спортивной, так и в политической области. Советский Союз мог добиваться принятия нужных ему решений, касающихся организации спортивных соревнований, места их проведения, состава участников и т.п. Советские представители в МСО успешно блокировали обсуждение болезненной для СССР и его союзников темы профессионализма в социалистическом спорте, боролись с проявлениями «предвзятого» судейства, защищали интересы дружественных им государств «третьего мира». Даже в тех случаях, когда советским посланникам не удавалось добиться поставленной цели, их голос звучал очень весомо и с ним не могли не считаться представители других стран.

Кризис, поразивший СССР в конце 1980-х гг., отразился и на спортивной составляющей. Одновременно с уменьшением влияния Советского Союза в мире сокращались и возможности советских представителей в МСО. После развала социалистического лагеря Москва всё чаще оставалась в одиночестве при обсуждении и принятии важных решений в области мирового спорта. Обстановка ещё больше обострилась с крахом самого Советского Союза: некоторые представители новых независимых государств, образовавшихся на территории бывших союзных республик и ставших полноправными членами МСО, нередко целенаправленно выступали с откровенно антироссийских позиций. Какое-то время положение спасал высокий авторитет советских (российских) спортивных функционеров, много лет проработавших в МОК и МСФ, но в целом эпоха советского спорта и всего, что было с ним связано, безвозвратно ушла в прошлое. Это косвенно подтвердили и события 2022 г., когда российские члены международных спортивных организаций оказались неспособны эффективно противостоять масштабным атакам как на российских спортсменов, так и на весь отечественный спорт.

⁴¹ Решение об избрании Сеула столицей летней Олимпиады 1988 г. было принято ещё в 1981 г. Заявления ряда социалистических стран о том, что они в любом случае, несмотря на позицию СССР, будут участвовать в этой Олимпиаде, стали появляться в 1985–1986 гг., после того, как под давлением Москвы они были вынуждены в 1984 г. бойкотировать летние Игры в Лос-Анджелесе.

⁴² РГАНИ, ф. 5, оп. 90, д. 144, л. 93.